
РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

УДК 332.1; 911.9

ЭКОНОМИКА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В ПАНДЕМИЮ: РАБОТАЮТ ЛИ ФАКТОРЫ ШОКОУСТОЙЧИВОСТИ?

© 2021 г. О.В. Кузнецова

¹ *Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия*

² *Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН,*

Институт системного анализа, Москва, Россия

e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

Дифференциация российских регионов по динамике их социально-экономического развития в 2020 г., несмотря на нетипичную для современных экономических кризисов причину, соответствовала сложившимся представлениям о факторах шокоустойчивости регионов. Ключевое значение имели степень диверсификации экономики регионов и уровень их инновационного потенциала. В результате в относительно благоприятном положении оказались крупнейшие города (Москва и Санкт-Петербург), где ограничения в отдельных видах деятельности были компенсированы ростом спроса на ряд сложных услуг (в IT-сфере и др.), ускоренным внедрением онлайн-форматов деятельности и удаленной занятости. Специализация экономики регионов также имела значение: максимальным, что типично для кризисов, стал спад в автопроме, общий спад мировой экономики сильно ударил по регионам с масштабной добычей топливно-энергетических ресурсов. Значимым в 2020 г. оказался и традиционный фактор регионального развития – емкость рынков сбыта, способствовавшая росту производства в крупнейших городах и работающих на их рынки регионах и затормозившая развитие обрабатывающих производств на Дальнем Востоке. Приграничное положение регионов явного влияния на динамику их развития не оказало. Делается предположение, что государственная антикризисная политика позволила замедлить спад в проблемных отраслях, тогда как рост производства товаров и услуг в востребованных видах деятельности был связан с объективными преимуществами территорий.

Ключевые слова: COVID-19, крупнейшие города, приграничные регионы, промышленность, доходы населения, потребительский рынок, инновационный потенциал.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-7

Введение и постановка проблемы. Произошедший в 2020 г. экономический кризис, конечно, был далеко не первым в российской истории, но причина этого кризиса – пандемия COVID-19 и связанные с ней ограничения на ведение хозяйственной деятельности – была отнюдь не типичной для последних десятилетий. И в этой связи важно проанализировать, была ли дифференциация регионов по динамике их социально-экономического развития в нынешний кризис необычной, или же картина межрегиональных различий в целом соответствовала типичной для кризисных периодов. Заслуживают внимания и особенности ситуации в России по

сравнению с другими странами, столкнувшимися с теми же самыми проблемами – вынужденными ограничениями в экономике из-за пандемии. Такие исследования важны, прежде всего, для последующего выстраивания государственной политики пространственного развития: если характер межрегиональных различий в 2020 г. по динамике социально-экономических показателей не был чем-то уникальным, то это дает основания для разработки рекомендаций для реализации мер по повышению устойчивости регионов к кризисным явлениям, по дополнительной федеральной поддержке традиционно проблемных территорий.

Исходя из сказанного, в данной статье рассматриваются особенности социально-экономического развития российских регионов, отталкиваясь от сложившихся в науке представлений о закономерностях региональной динамики в годы экономических кризисов.

Обзор ранее выполненных исследований. Влияние разного рода шоков, в том числе экономических кризисов, на социально-экономическое развитие регионов рассматривается в рамках продолжающейся развиваться в настоящее время, преимущественно за рубежом, концепции региональной шокоустойчивости (в англоязычной литературе – regional resilience). Именно такой перевод слова resilience – шокоустойчивость – был предложен в [2] применительно к регионам, и нам это кажется вполне разумным, хотя есть примеры и дословного перевода – устойчивость [1; 10], в ряде работ использовался термин «резилентность» [6; 11]. В указанных публикациях рассматривается суть концепции региональной шокоустойчивости, в работе [10] оценивается устойчивость российских регионов к кризисам 2009 и 2015 гг.

Кризис 2015 г. – сугубо российский, связанный с введенными в 2014 г. антироссийскими санкциями. Кризисы 2009 и 2020 гг. – общемировые, и их влияние на региональное развитие активно изучалось, особенно детально – в части последствий кризиса 2009 г. для регионов ЕС [13; 14; 18]. Предварительные выводы уже есть и по влиянию кризиса 2020 г. на межрегиональные различия, в том числе в странах ЕС и ОЭСР [12; 17; 19].

В проведенных исследованиях нам важны, прежде всего, сделанные в них выводы в отношении факторов шокоустойчивости отдельных регионов. Важнейшим таким фактором признается высокая степень диверсификации экономики регионов. Любой кризис по-разному ударяет по разным отраслям экономики, и при диверсифицированной ее структуре выше вероятность того, что спад в одних отраслях будет компенсирован ростом (или хотя бы смягчен относительно благоприятной ситуацией) в других отраслях.

Еще одним значимым фактором шокоустойчивости авторами проведенных исследований называется высокий инновационный потенциал регионов, позволяющий быстро

адаптироваться к новым условиям, трансформировать существующие или развивать новые виды деятельности. Яркой иллюстрацией этого тезиса стала ситуация 2020 г., когда принципиальное значение имела готовность населения и предприятий регионов перейти на онлайн-формат деятельности.

Шокоустойчивости регионов способствуют и другие факторы:

- высокое качество государственного и муниципального управления, налаженное взаимодействие между органами публичной власти разных иерархических уровней – это определяет способность властей оперативно вырабатывать и реализовывать необходимые для борьбы с кризисными явлениями решения;
- особенности структуры занятых: повышенные доли занятых, получающих зарплату из государственного бюджета, а также работающих в штаб-квартирах компаний, на постоянных контрактах. Все эти категории работников подвергаются меньшим сокращениям по сравнению, соответственно, с частным сектором, работающими в отдельных подразделениях компаний, на временных должностях или по временным контрактам;
- наличие резервов в государственном бюджете, которые можно направить на расширение государственной поддержки экономики в кризисных условиях (это могут быть как накопления в резервных фондах, так и высокий уровень бюджетной обеспеченности, позволяющий перераспределять средства между расходными статьями бюджета).

Однозначных оценок влияния специализации регионов на их шокоустойчивость нет. К примеру, сфера услуг, которая, с одной стороны, более уязвима в кризис, нежели промышленность (и 2020 г. это наглядно продемонстрировал), с другой – гораздо легче и быстрее промышленности трансформируется (например, при полном локдауне зачастую может быть, в отличие от производства, переведена в онлайн-формат). Но есть очевидное исключение из этого правила: в кризисы всегда происходит заметное сокращение в автомобильной промышленности, поскольку спрос на автомобили как товар длитель-

ного пользования падает; автопром в структуре промышленности отдельных регионов занимает, как правило, значимое место, и такие регионы оказываются в числе лидеров по спаду производства [15].

Нет однозначного влияния на региональную шокоустойчивость и происхождения капитала. Исследователи говорят о том, что значимую роль в преодолении кризисных явлений играет настрой местного сообщества (желание преодолеть кризис в своем населенном пункте, а не уехать в регион с более благополучной социально-экономической ситуацией), и местный капитал может быть гораздо больше заинтересован в развитии региона как своей «малой родины», нежели внешние инвесторы. Однако на деле, похоже, значимее оказывается реальное положение дел на предприятиях, а в крупных компаниях, часто неместного происхождения, ситуация оказывается лучше [16].

Полной картины региональных последствий вызванного пандемией COVID-19 кризиса в странах мира еще нет, но предварительный анализ [12; 17; 19] ожидаемо показывает сильную зависимость социально-экономического положения регионов от возможных масштабов перехода на удаленную работу. Даже в экономически развитых странах дифференциация территорий по этому параметру значительна:

- разрыв между регионами одной страны по доле занятых, имеющих возможность перейти на удаленную работу, доходит до 20 п.п. (например, в США);
- в дифференциации территорий по рассматриваемому показателю проявляется традиционный контраст между городской и сельской местностью, прослеживается зависимость от уровня образования занятых (чем выше доля занятых с высоким уровнем образования, тем больше возможностей для удаленной работы);
- разрыв между столичным регионом и остальными регионами по показателю составляет по странам ОЭСР в среднем 8 п.п.;
- собственно доля занятых, имеющих возможность перейти на удаленную работу, варьирует от более чем 50% в ряде столичных регионов (например, Иль-де-Франс, Лондон, Стокгольм) до менее чем 25% в ряде регионов Ко-

лумбии, Италии, Словакии, Испании, Турции.

В ЕС, кроме того, обращают внимание на повышенное влияние текущего кризиса на ситуацию в приграничных регионах, которые столкнулись с последствиями закрытия границ между странами.

Проведенные в России исследования по результатам первых месяцев кризиса 2020 г. [3; 4; 6] дали неоднозначные результаты. Прежде всего, под вопросом осталось влияние кризиса на крупнейшие города: с одной стороны, они первыми пострадали от пандемии и связанных с ней ограничений на ведение хозяйственной деятельности [5], с другой стороны, городская экономика сразу продемонстрировала определенную устойчивость в складывавшихся условиях [7].

Материалы и методы исследования.

В рамках данной статьи анализируются данные в целом за 2020 г. Они пока опубликованы не в полном объеме: основной показатель экономического развития субъектов РФ – валовой региональный продукт (ВРП) – появится более чем с годичным запаздыванием. Именно по ВРП можно судить об изменениях в структуре экономики регионов. Для оперативной оценки таких изменений нужно искать альтернативные показатели. Мы предлагаем использовать объемы поступлений налога на доходы физических лиц (НДФЛ) по видам экономической деятельности. Заработная плата, отражением которой является НДФЛ, – одна из важнейших составляющих валового продукта. Поступления НДФЛ довольно точно привязываются к территории (в отличие от общего объема налоговых поступлений, которые могут подчас быть вообще отрицательными величинами из-за возврата НДС экспортерам), не зависят от налоговой политики региональных властей (в отличие, например, от налога на прибыль; НДФЛ – федеральный налог, взимаемый по единым правилам на всей территории страны). Поступления НДФЛ неплохо отражают ситуацию с доходами населения, и к тому же НДФЛ – это один из основных доходных источников консолидированных региональных бюджетов (состояние которых мы не рассматриваем, поскольку это отдельная самостоятельная тема, уже во многом раскрытая (например, [4; 8]).

Данные по структуре поступлений НДФЛ мы используем для анализа ситуации в Мо-

скве и Санкт-Петербурге на фоне других субъектов РФ. Ограничение анализа ситуации в крупнейших городах Москвой и Санкт-Петербургом вынужденное, поскольку это единственные два российских города-миллионника со статусом городов федерального значения, по которым как по субъектам РФ доступен относительно широкий круг статистических данных. По остальным крупнейшим городам – со статусом муниципальных образований – провести аналогичный анализ не представляется возможным.

По всему кругу субъектов РФ мы в большей степени опираемся на публикуемые Росстатом индексные показатели, в которых учтены изменения в ценах: индексы производства, розничной торговли, общественного питания, платных услуг населению, а также реальные денежные доходы населения. Все эти показатели были опубликованы в ежемесячных изданиях Росстата: в докладе «Социально-экономическое положение России» за 2020 г. (по производству, общепиту, платным услугам) и бюллетене «Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации». Из выпуска последнего за январь–май 2021 г. взяты данные по реальным денежным доходам населения и розничной торговле, которые, обратим внимание, были пересчитаны по сравнению с первоначально опубликованными Росстатом данными за 2020 г.

Полученные результаты. Для оценки межрегиональных различий по динамике социально-экономического развития в 2020 г. обратимся, прежде всего, к показателям, характеризующим доходы и потребление населения, которые косвенно свидетельствуют о состоянии экономики и важны, поскольку обеспечение высокого качества жизни населения – это основная задача государственной политики. Как видно из таблицы 1, объем платных услуг населению в Москве действительно сократился гораздо сильнее, нежели в среднем по стране; в Санкт-Петербурге значение этого показателя ниже среднероссийского, но уже не столь значительно. Зато в Санкт-Петербурге произошло очень сильное падение оборота общественного питания, тогда как в Москве индекс оказался даже выше среднероссийского (что можно объяснить заказом еды с доставкой на дом). В итоге реальные денежные доходы населения и в Москве, и в Санкт-Петербурге оказались выше среднероссийских, равно как и показатели оборота розничной торговли.

Интерпретируя данные по динамике розничной торговли пищевыми продуктами, важно помнить, что в текущей кризис она связана не только с изменением денежных доходов населения (когда люди вынуждены переходить от дорогих к дешевым продуктам), но и принципиальным изменением работы общепита. В прежние кризисы падение доходов приводило к экономии

Таблица 1. Динамика основных показателей, связанных с доходами и расходами населения, 2020 г. в % к 2019 г., в сопоставимых ценах

Федеральные округа и города Москва и Санкт-Петербург	Реальные денежные доходы	Оборот розничной торговли			Оборот общественного питания	Объем платных услуг населению
		всего	пищевыми продуктами	непродовольственными товарами		
Центральный	97,3	97,9	99,5	96,5	82,1	77,9
г. Москва	98,0	98,1	98,0	98,2	84,1	71,1
Северо-Западный	99,0	100,2	103,1	98,0	76,0	83,7
г. Санкт-Петербург	99,4	98,8	104,7	95,8	69,5	81,6
Южный	98,8	97,6	98,4	97,0	88,9	89,1
Северо-Кавказский	96,5	94,7	99,7	90,3	73,5	86,0
Приволжский	96,6	95,5	96,6	94,6	75,4	85,7
Уральский	96,8	96,4	96,1	96,9	81,8	82,5
Сибирский	97,8	96,6	97,7	95,8	77,5	86,9
Дальневосточный	97,7	97,5	100,3	94,3	83,6	82,6
Среднее по РФ	97,4	96,8	98,4	95,4	79,3	82,7

Источник: Росстат.

на общепите и переходу на домашнее питание, но в этот кризис к этому добавились гораздо более значимые по своей роли ограничения на работу предприятий общепита и падение спроса на его услуги в связи с переходом на удаленную работу. А это означает, что часть расходов на общепит преобразовалась в покупку продуктов питания (хотя напрямую эти расходы сравнивать невозможно в силу совершенно разного уровня цен). Поэтому вполне логичной выглядит ситуация, когда заметное падение оборота общепита в Санкт-Петербурге привело к заметно превышающему показатель реальных денежных доходов росту розничной торговли продуктами питания, чего не было в Москве. Такой же эффект может быть по показателям платных услуг населению и розничной торговле непродовольственными товарами (например, в случае клининговых компаний), но очевидно гораздо меньший по своим масштабам.

Анализируя причины относительно благоприятного положения Москвы и Санкт-Петербурга, рассмотрим названные выше факторы шокоустойчивости регионов. Пер-

вый и важнейший – диверсифицированная структура экономики. Данные по поступлениям НДФЛ (табл. 2) показывают, что этот фактор действительно имеет принципиальное значение. Доля в структуре экономики тех видов деятельности, которые в наибольшей степени пострадали в кризис 2020 г., – гостиниц и общепита, разных видов услуг населению – относительно невелика. Зато гораздо большую роль играют востребованные в условиях масштабного перехода на онлайн-деятельность услуги IT-сектора. Кроме того, повышенную роль в структуре экономики играют те виды деятельности, где вполне успешно смогли перейти на удаленный формат работы (к числу таковых можно отнести профессиональную, научную и техническую деятельность, целый ряд сложных услуг – операции с недвижимым имуществом, финансы и страхование).

Из данных таблицы 2 также хорошо видно, что роль бюджетного сектора в Москве и Санкт-Петербурге не только не выше среднероссийской, но, наоборот, ниже. Суммарная доля в НДФЛ государственного, обра-

Таблица 2. Динамика (2020 г. к 2019 г.) и структура поступлений налога на доходы физических лиц (все показатели в %, в фактических ценах)

Виды экономической деятельности	Среднее по РФ		Москва		Санкт-Петербург	
	2020 к 2019	2019	2020 к 2019	2019	2020 к 2019	2019
Сельское хозяйство...	112,7	2,4	102,6	0,1	129,3	0,2
Добыча полезных ископаемых	108,9	4,2	110,1	1,1	114,3	0,4
Обрабатывающие производства	106,4	13,5	108,4	6,1	108,7	13,4
Обеспечение электроэнергией...	105,3	2,9	105,9	1,2	109,4	1,5
Водоснабжение...	108,2	0,7	111,7	0,4	105,4	0,6
Строительство	105,0	5,0	105,6	4,5	110,5	5,4
Торговля	111,0	12,3	113,2	14,7	110,2	16,6
Транспортировка, хранение	107,5	7,6	109,9	5,0	106,9	7,4
Гостиницы и общепит	100,6	1,1	93,7	1,0	91,3	1,5
Информация и связь	118,6	4,3	119,9	8,3	129,4	7,1
Финансы и страхование	116,7	6,8	125,0	15,0	126,3	5,8
Операции с недвижимым имуществом	106,0	3,0	102,2	3,7	121,2	4,4
Профессиональная, научная и техническая деятельность	113,8	8,1	121,4	13,5	110,1	11,5
Административная деятельность	106,0	2,0	97,8	2,5	107,8	2,7
Госуправление	114,2	10,5	112,4	6,0	111,4	4,4
Образование	105,4	7,5	104,9	4,9	105,6	8,3
Здравоохранение, социальные услуги	107,3	7,0	111,2	4,5	106,7	6,4
Прочие виды услуг	103,2	0,6	110,3	0,9	96,0	0,7
Культура, спорт, организация досуга...	101,6	1,8	102,9	1,9	97,2	2,4
Всего	107,4	100,0	111,3	100,0	108,8	100,0

Источник: расчеты автора по данным Федеральной налоговой службы РФ.

зования, здравоохранения и социальных услуг, культуры, спорта и организации досуга в среднем по субъектам РФ составляла 26,8%, в Москве – 17,3%, Санкт-Петербурге – 21,5% (данная оценка условна, поскольку в социальной сфере есть и внебюджетные средства). Хотя, конечно, занятость в бюджетном секторе, штаб-квартирах компаний давала крупнейшим городам (и не только Москве и Санкт-Петербургу) преимущества если не на среднероссийском фоне, то по сравнению с городами меньшей плотности и сельской местностью. Схожесть многих параметров развития Москвы и Санкт-Петербурга позволяет также говорить о том, что явного влияния столичного статуса Москвы на развитие ситуации в 2020 г. не было.

Недостатком показателя поступлений НДСФЛ является то, что он не в полной мере отражает ситуацию с малым бизнесом, поскольку не все его представители платят НДСФЛ (этот налог не распространяется на самозанятых, на применяющих патентную систему налогообложения). В отношении последствий пандемии для Москвы и Санкт-Петербурга высказывалось предположение, что она затронула, прежде всего, именно малый бизнес. Имеющаяся на данный момент статистика в явном виде это не подтверждает. По данным ФНС, ситуация с динамикой налоговых платежей малого бизнеса (поступлениями по специальным налоговым режимам) в крупнейших городах в сравнении с предыдущим годом была по меньшей мере не хуже среднероссийской; среднесписочная численность работников на предприятиях малого и среднего бизнеса в Москве и Санкт-Петербурге, по оценкам Росстата, по итогам года оказалась выше показателя 1 квартала, причем прирост был выше среднероссийского. Однако это может объясняться совершенно разными причинами: недостатками статистики [3] и/или высокой адаптивной способностью малого бизнеса, приспособившегося к новым условиям ведения хозяйственной деятельности [7] (а ведь именно это преимущество малого бизнеса считается одной из причин, по которой данному сегменту экономики нужно уделять повышенное внимание в госуправлении). Для однозначных оценок нужны дальнейшие исследования.

Значимым фактором шокоустойчивости Москвы и Санкт-Петербурга, в полном соответствии с накопленным опытом, стал вы-

сокий уровень инновационного потенциала. Простых статистических подтверждений этому нет, но можно говорить по меньшей мере о двух значимых примерах. Первый – активное внедрение информационных технологий, благодаря которым, к примеру, введенные ограничения на традиционные форматы розничной торговли и даже общепита были компенсированы развитием Интернет-торговли (заказов); было больше возможностей, по сравнению со многими другими регионами, перейти на удаленные форматы работы, обучения.

Второй пример значимости инновационного потенциала – фармацевтическое производство. В 2020 г., по вполне понятным причинам, это была самая динамично развивающаяся отрасль промышленности – индекс по производству лекарственных средств и применяемых в медицинских целях материалов в среднем по стране составил 123,0%. При этом в Москве он достиг 138,8%, в Московской области – 132,3% (учитывая расположение предприятий фармацевтической промышленности, можно говорить о том, что этот показатель относится к Московской агломерации). В Санкт-Петербурге рост был скромнее – 113,9% (данные Росстата). Важным, хотя и не единственным фактором лидирующих позиций регионов стало наличие научно-исследовательских центров соответствующего профиля, уже достигнутые лидерские позиции в фармацевтическом производстве (по данным Росстата, на три названных региона приходится более 2/5 российского производства лекарственных средств и применяемых в медицинских целях материалов).

Развитие фармацевтики иллюстрирует значимость и еще одного фактора шокоустойчивости регионов – качества управления. И в Москве, и в Санкт-Петербурге новые фармацевтические производства располагались на площадках созданных ранее технико-внедренческих особых экономических зон (в соответствии с федеральным законом об ОЭЗ), где у инвесторов есть возможность воспользоваться готовой инфраструктурой, налоговыми льготами и другими преференциями. Кроме того, Москва является примером активного внедрения различных антикризисных мер, ставших возможными благодаря ее высокой бюджетной обеспеченности.

В целом государственная антикризисная политика как на федеральном, так и на региональном уровнях не могла не оказать влияния на формирование различий между субъектами РФ по динамике их социально-экономического развития в 2020 г. (на примере малого бизнеса это влияние рассматривается в [3]). Однако целостную оценку значимости государственной антикризисной политики для регионального развития дать крайне сложно. В отношении федеральной политики – в силу уже неоднократно поднимавшейся нами проблемы отсутствия статистических данных по территориальному разрезу расходов федерального бюджета. Есть данные по объемам межбюджетных трансфертов, но они отражают лишь часть полученной регионами поддержки: существенные объемы социальной поддержки шли через государственные внебюджетные фонды, осуществлялось значимое прямое финансирование отдельных отраслей; были еще и налоговые льготы. Тем не менее очевидно, что федеральные средства направлялись в отрасли, которых в наибольшей степени коснулись ограничения, т.е. такая поддержка замедляла спад проблемных отраслей, но не ускоряла рост. Точнее, могла вносить вклад в ускорение роста отдельных видов деятельности, но за счет реального спроса на их продукцию (IT-услуги, производство медикаментов и т.д.), но в таком случае первичны факторы отраслевой структуры и инновационного потенциала, но не господдержки. Социальная политика была в значительной степени направлена

на семьи с детьми, а значит регионы с высоким уровнем рождаемости, и давала тем самым преимущества национальным республикам, но не крупнейшим городам. Поэтому, не отрицая значимости господдержки экономики, можно, на наш взгляд, утверждать, что решающую роль сыграли объективные факторы развития территорий.

В развитии производства в 2020 г., включая фармацевтику, важную роль сыграло еще одно преимущество крупнейших городов, но уже, условно, постоянное, не связанное только лишь с их шокоустойчивостью, – наличие емкого рынка сбыта. Особенно ярко значимость данного фактора иллюстрирует ситуация с динамикой производства пищевых продуктов (табл. 3). В отрасли работает много предприятий, поэтому показатели ее динамики в минимальной степени, по сравнению с другими видами обрабатывающих производств, зависят от ситуации на отдельных предприятиях. Рост производства пищевых продуктов был характерен для обоих крупнейших российских городов. Кроме того, относительно благоприятная ситуация сложилась в целом в Центральном федеральном округе (многие производства в котором ориентированы на емкий столичный рынок), а также в Приволжском, где много городов-миллионников.

Единственный федеральный округ, где было сокращение объемов производства пищевых продуктов, – наименее заселенный Дальневосточный, но и в его границах прослеживается значимость потребительского фактора. Максимальные темпы роста –

Таблица 3. Индексы производства, 2020 г. в % к 2019 г.

Федеральные округа и города Москва и Санкт-Петербург	Промышленность всего	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Производство пищевых продуктов
Центральный	105,2	101,2	106,2	109,1
г. Москва	105,1	–	105,9	139,1
Северо-Западный	97,0	91,4	99,3	99,5
г. Санкт-Петербург	98,2	84,5	99,2	104,6
Южный	99,0	94,4	100,5	97,5
Северо-Кавказский	106,5	89,6	104,4	107,3
Приволжский	96,6	92,8	98,6	106,2
Уральский	97,7	94,2	105,6	101,5
Сибирский	95,6	91,0	98,2	103,9
Дальневосточный	95,9	96,4	91,7	98,2
Среднее по РФ	97,1	93,0	100,3	103,5

Источник: Росстат.

в Еврейской АО (168,4%), ориентированной во многом на Хабаровский край, в самом Хабаровском крае (109,8%) и в Сахалинской области (106,8%). Дальний Восток заметно выделяется в худшую сторону на фоне других федеральных округов и по индексу обрабатывающих производств в целом, здесь развитие обеспечивается пока преимущественно сырьевыми отраслями или сферой услуг. Активная федеральная политика по поддержке этого макрорегиона пока не позволяет добиться кардинальной перестройки структуры его экономики (подробно влияние пандемии на развитие Дальнего Востока рассмотрено в [9]).

Данные таблицы 3 иллюстрируют и причины формирования неблагоприятной экономической ситуации в отдельных регионах. Наихудшее положение сложилось, во-первых, в добыче топливно-энергетических ресурсов и специализирующихся на ней регионах. Ситуация на рынке нефти и до пандемии была напряженной, а снижение экономической активности в мире неизбежно привело к сокращению спроса на продукцию ТЭК. Во-вторых, традиционно в числе самых пострадавших оказались регионы автопрома, индекс производства автотранспортных средств в среднем по стране составил 87,3%. Специализацией на

автопроме объясняется спад в обрабатывающей промышленности и Санкт-Петербурга, и Приволжского федерального округа.

В целом же картина дифференциации субъектов РФ по индексу производства сложилась довольно пестрая, в лидеры и аутсайдеры попали очень разные регионы (табл. 4), что связано с влиянием совокупности факторов. В лидерах преобладают все-таки плотно заселенные регионы Центра и Юга России, вторые преимущественно за счет специализации на АПК, спрос на продукцию которого в наименьшей степени подвержен кризисным явлениям (товары повседневного спроса). Попадание в аутсайдеры Костромской области связано с резким спадом производства в электроэнергетике региона.

Среди других факторов можно назвать следующие:

- ситуация на отдельных предприятиях в регионах и прежде всего ввод новых производственных мощностей. Это объясняет, например, высокую позицию Тюменской области, где появились новые мощности по переработке нефти;
- регионы с очень низким уровнем развития обрабатывающей промышленности, которые из-за изменения ситуации буквально на единичных

Таблица 4. Регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по индексу производства, 2020 г. в % к 2019 г. (рост/спад на 5% и более)

№ п/п	Регионы-лидеры	Индекс	Регионы-аутсайдеры	Индекс
1	Республика Северная Осетия-Алания	124,7	Республика Тыва	63,1
2	Тюменская область (без АО)	121,5	Приморский край	79,4
3	Республика Алтай	121,4	Карачаево-Черкесская Республика	88,4
4	Владимирская область	119,3	Ненецкий АО	88,8
5	Тульская область	112,4	Костромская область	88,9
6	Чеченская Республика	111,4	Красноярский край	90,6
7	Кабардино-Балкарская Республика	111,0	Томская область	90,7
8	Московская область	109,2	Ханты-Мансийский АО	91,6
9	Республика Бурятия	107,4	Республика Калмыкия	92,1
10	Пензенская область	107,3	Архангельская область	92,2
11	Рязанская область	106,3	Удмуртская Республика	92,7
12	Магаданская область	105,6	Республика Коми	93,0
13	Орловская область	105,3	Нижегородская область	93,4
14	г. Москва	105,1	Калининградская область	93,5
15	Республика Адыгея	105,1	Республика Марий Эл	93,6
16	Смоленская область	105,0	Камчатский край	94,3
17	Республика Саха (Якутия)	94,9

Источник: Росстат.

предприятиях могут попадать как в лидеры промышленного роста (Магаданская область и Республика Алтай), так и аутсайдеры (ряд республик).

В связи с обсуждаемым в европейских странах влиянием закрытия границ на социально-экономическое развитие приграничных регионов, интересно оценить этот аспект применительно и к российским приграничным регионам. Таковые, как хорошо известно, сильно разнятся по масштабам развития трансграничных связей, которые можно оценивать по целому ряду параметров. В таблице 5 представлены субъекты РФ, отобранные только по одному показателю, который, как нам представляется, вполне адекватно отражает значимость внешних связей для приграничных регионов. Это отношение объема импорта (пересчитанного в рубли по средневзвешенному курсу рубля к доллару) к валовому региональному продукту в 2019 г. Отношение экспорта или внешнеторгового оборота к ВРП использовать не имеет смысла, поскольку повышенное отношение экспорта к ВРП свойственно выполняющей посреднические функции Москвы и преимущественно сырьевым регионам. А вот среди лидеров по отношению импорта к ВРП много как раз приграничных, нередко одновременно приморских, субъектов РФ.

По данным таблицы 5 видно, что по динамике импорта регионы различались весьма

существенно, а очевидное влияние приграничного положения на социально-экономическое развитие регионов не прослеживается (нет зависимости значений приводимых показателей от динамики импорта). В частности, нет и очевидной взаимосвязи между динамикой импорта и численностью занятых в малом и среднем предпринимательстве, что опять-таки можно связать либо с плохим качеством статистики, либо влиянием на развитие малого бизнеса целого ряда факторов, помимо ситуации в приграничной торговле.

Выводы. Таким образом, основной вывод из нашего исследования – несмотря на нетипичную для современной истории причину экономического кризиса 2020 г., закономерности дифференциации регионов по динамике их социально-экономического развития были в целом стандартными, отличающимися лишь некоторой спецификой своих проявлений.

Среди таких закономерностей можно, прежде всего, отметить сохранившуюся ведущую роль в экономике крупнейших городов и их агломераций, показанную нами на примере Москвы и Санкт-Петербурга. Именно эти города, особенно Москва, в силу своей открытости и высокой плотности населения отличались повышенным уровнем заболеваемости COVID-19, в городах значимую роль играют отрасли сферы услуг, наиболее пострадавшие от введившихся ограничений

Таблица 5. Показатели социально-экономического развития ряда приграничных субъектов РФ в 2020 г.

Субъекты РФ	Импорт, % ВРП	Импорт (в фактических ценах)	Реальные денежные доходы	Оборот розничной торговли	Работники малых и средних предприятий
	2019 г.	2020 г. в % к 2019 г.			
1. Калининградская область	99,6	84,5	96,9	98,9	96,7
2. Смоленская область	36,3	101,3	97,8	94,3	89,4
3. Приморский край	31,7	97,5	97,0	94,3	101,9
4. Ленинградская область	20,8	91,0	100,4	106,7	98,0
5. Брянская область	14,4	116,0	95,3	95,4	91,5
6. Новосибирская область	13,4	93,2	98,6	99,8	98,1
7. Челябинская область	12,6	80,8	99,0	104,8	92,3
8. Ростовская область	11,3	88,1	98,4	96,7	99,0
9. Краснодарский край	10,9	105,0	98,5	98,5	89,2
10. Псковская область	10,6	96,2	98,8	100,6	91,0
11. Тюменская область	10,1	81,1	98,1	100,2	92,7
12. Белгородская область	10,1	95,7	98,1	99,3	88,5
Среднее по РФ	16,7	94,8	97,4	96,8	96,9

Источник: данные Росстата и расчеты на их основе.

на ведение хозяйственной деятельности. Однако социально-экономические показатели в Москве и Санкт-Петербурге в целом на общероссийском фоне оказались относительно благоприятными. Это связано и с факторами региональной шокоустойчивости, основными из которых можно назвать диверсификацию экономики и высокий инновационный потенциал, и традиционными преимуществами крупнейших городов – высокой емкостью потребительского рынка и тем же инновационным потенциалом:

- диверсифицированная экономика привела к компенсации спада в ряде отраслей сферы услуг ростом в других ее секторах, прежде всего связанных с IT-услугами, а также в отдельных отраслях промышленности, включая фармацевтическую;
- высокий инновационный потенциал в условиях пандемии COVID-19 проявился, в первую очередь, в виде ускоренного внедрения информационных технологий: в крупнейших городах были наилучшие условия для перехода на онлайн-торговлю, удаленный режим работы;
- высокая емкость рынка сбыта проявилась в росте производства потребительских товаров, что особенно заметно было в пищевой промышленности и фармацевтике.

Другое дело, что в условиях пандемии COVID-19 проявились не только традиционные преимущества, но и традиционные проблемы крупнейших городов, одной из важнейших из которых является дифференциация

населения по доходам. Совершенно очевидно, что в условиях пандемии были группы населения как полностью или частично потерявшие свою работу, а с ней и заработок, так и специалисты, спрос на деятельность и оплата труда которых выросли. Оценка масштабов расслоения населения требуют отдельного исследования, значительная часть статистических данных для которого еще не опубликована. Но подтверждением высказанного предположения является и опыт предыдущих кризисов [1].

Еще одна типичная закономерность кризисных лет, проявившаяся и в 2020 г., – сильная зависимость ситуации в регионах от их отраслевой специализации. Как и в предыдущие экономические кризисы, заметный спад промышленного производства был характерен для регионов-производителей автомобилей, спрос на которые как на товар длительного пользования всегда резко падает в кризисные годы. Общий спад мировой экономики в 2020 г. привел к падению спроса на топливно-энергетические ресурсы и, как результат, заметному спаду в промышленности российских регионов со специализацией на ТЭК.

Названные закономерности имеют место и в других странах мира, в частности, один из самых обсуждаемых за рубежом вопросов – проявившиеся в условиях кризиса COVID-19 с его вызовами цифровизации традиционные контрасты по линии город-село. Ключевое же отличие российской ситуации от европейской – не столь очевидное влияние пандемии на положении приграничных регионов; для России закрытие границ имело, по всей видимости, меньшее значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баринова В.А., Земцов С.П.* Инклюзивный рост и устойчивость регионов России // Регион: экономика и социология. 2019. № 1. С. 23–36. DOI: 10.15372/REG20190102.
2. *Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Марача В.Г.* Шокоустойчивость территориальных систем: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. 2020. № 3. С. 4–15. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-3-1.
3. *Земцов С.П., Михайлов А.А.* Тенденции и факторы развития малого и среднего бизнеса в регионах России в период коронакризиса // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 4. С. 34–45.
4. *Зубаревич Н.В.* Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 1. С. 48–60. DOI: 0.24411/2587-7666-2021-10104.
5. *Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г.* Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // Региональные исследования. 2020. № 2. С. 4–17. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-2-1.
6. *Климанов В.В., Казакова С.М., Михайлова А.А.* Региональная резилентность: теоретические основы постановки вопроса // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 6. С. 164–187. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-164-187.
7. *Коломак Е.А.* Экономические последствия COVID-19 для регионов России // ЭКО. 2020. № 12. С. 143–153. DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2020-12-143-153.

8. Мильчаков М.В. Реализация приоритетов регионального развития в условиях пандемии // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 2. С. 93–113. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-2-93-113.
9. Минакир П.А. Экономика пандемии: дальневосточный аспект // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 4. С. 7–22. DOI: 10.14530/se.2020.4.007-022.
10. Михеева Н.Н. Устойчивость российских регионов к экономическим шокам // Проблемы прогнозирования. 2021. № 1. С. 116–118. DOI: 10.47711/0868-6351-184-106-118.
11. Одинцова А.В. От стратегического планирования к территориальной резилентности // Федерализм. 2020. Т. 25. № 4 (100). С. 26–41. DOI: 10.21686/2073-1051-2020-4-26-41.
12. Capello R., Caragliu A. Regional growth and disparities in a post-COVID Europe: A new normality scenario // Journal of Regional Science. May 2021. P. 1–18. DOI: 10.1111/jors.12542.
13. Dijkstra L., Garcilazo E., McCann P. The effects of the global financial crisis on European regions and cities // Journal of Economic Geography. 2015. № 15. P. 935–949. DOI: 10.1093/jeg/lbv032.
14. Economic Crisis: Resilience of Regions. Scientific Report. ESPON & Cardiff University, 2014. 280 p.
15. Klier T., Rubenstein J. What role did regional policy play in addressing the US auto industry crisis? // International Journal of Automotive Technology and Management. 2011. Vol. 11, № 2. P. 189–204. DOI: 10.1504/IJATM.2011.039544.
16. Kolko J., Neumark D. Does local business ownership insulate cities from economic shocks? // Journal of Urban Economics. 2010. Vol. 67, № 1. P. 103–115. DOI: 10.1016/j.jue.2009.08.006.
17. Territorial Impact Assessment: the State of the Cities and Regions in the COVID-19 Crisis. European Union, 2020. 71 p.
18. The Urban and Regional Dimension of the Crisis. Eighth Progress Report on Economic, Social and Territorial Cohesion. European Union, 2013. 48 p. DOI: 10.2776/74866.
19. OECD Regions and Cities at a Glance 2020. Paris: OECD Publishing, 2020. 166 p.

Поступила в редакцию 26 июля 2021 г.

После доработки 8 августа 2021 г.

Принята к публикации 29 сентября 2021 г.

Об авторе

Кузнецова Ольга Владимировна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института системного анализа Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН; заведующая лабораторией региональной политики и региональных инвестиционных процессов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, г. Москва.

Для цитирования

Кузнецова О.В. Экономика российских регионов в пандемию: работают ли факторы шокоустойчивости // Региональные исследования. 2021. № 3. С. 76–87.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-7

The economy of Russian regions in a pandemic: do resilience factors work?

O.V. Kuznetsova^{1,2}

¹ Plekhanov Russian Economic University, Moscow, Russia

² Federal Research Center «Informatics and Control» of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: kuznetsova_olga@mail.ru

Despite the reason that is atypical for modern economic crises, the differentiation of Russian regions in terms of their socio-economic development in 2020 corresponded to the prevailing ideas about the factors of regional resilience. The degree of economic diversification of the regions and the level of their innovation potential were of key importance. As the result, the largest cities (Moscow and St. Petersburg) were in a relatively favorable position, where restrictions in certain types of activity were offset by an increase in demand for a number of complex services (in the IT sphere and others), the accelerated introduction of online formats of activity and remote employment. The specialization of the regional economy also mattered: the decline in the automotive industry was the highest, which is typical for crises. The general decline of the world economy hit the regions with large-scale extraction of fuel and energy resources. In 2020, the traditional factor of regional development was also significant – the capacity of sales markets, which also contributed to the growth of production in the largest cities and regions working for their markets and slowed down the development of manufacturing industries in the Far East. The border position of the regions did not have a clear impact on their development. It is assumed that the state anti-crisis policy allowed to slow down the decline in problem activities,

while the increase in the production of goods and services in demanded activities was associated with the objective advantages of the territories.

Key words: COVID-19, major cities, border regions, industry, population income, consumer market, innovation potential.

REFERENCES

1. Barinova A.V., Zemtsov S.P. Inclusive growth and regional resilience in Russia. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, 2019, no. 1, pp. 23–46. DOI: 10.15372/REG20190102 (In Russ.)
2. Zhikharevich B.S., Klimanov V.V., Maracha V.G. Resilience of the territory: concept, measurement, governance. *Regional'nye Issledovaniya*, 2020, no. 3, pp. 4–15. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-3-1 (In Russ.)
3. Zemtsov S.P., Mikhailov A.A. Trends and factors of development of small and medium-sized businesses in Russian regions during Corona crisis. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*, vol. 28, no. 4, pp. 34–45. (In Russ.)
4. Zubarevich N.V. Influence the pandemic at socio-economic development and regional budgets. *Voprosy Teoreticheskoy Ekonomiki*, 2021, no. 1, pp. 48–60. DOI: 0.24411/2587-7666-2021-10104 (In Russ.)
5. Zubarevich N.V., Safronov S.G. Regions of Russia in the acute phase of the COVID crisis: differences from previous economic crises of the 2000s. *Regional'nye Issledovaniya*, 2020, no. 2, pp. 4–17. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-2-1 (In Russ.)
6. Klimanov V.V., Kazakova S.M., Mikhaylova A.A. Regional resilience: theoretical basics of the question. *Ekonomicheskaya Politika*, 2018, vol. 13, no. 6, pp. 164–187. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-164-187 (In Russ.)
7. Kolomak E.A. Economic consequences of COVID-19 for Russia's regions. *EKO*, 2020, no. 12, pp. 143–153. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-12-143-153 (In Russ.)
8. Milchakov M.V. Implementation of regional development priorities under the conditions of the COVID-19 pandemic. *Financial Journal*, 2021, vol. 13, no. 2, pp. 93–113. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-2-93-113 (In Russ.)
9. Minakir P.A. The Economy of the pandemic: A Far Eastern Russian aspect. *Prostranstvennaya Ekonomika*, 2020, vol. 16, no. 4, pp. 7–22. DOI: 10.14530/se.2020.4.007-022 (In Russ.)
10. Mikheeva N.N. Resilience of Russian regions to economic shocks. *Studies on Russian Economic Development*, 2021, vol. 32, no. 1, pp. 68–77. DOI: 10.1134/S107570072101010X (In Russ.)
11. Odintsova A.V. From strategic planning to territorial resilience. *Federalism*, 2020, vol. 25, no. 4 (100), pp. 26–41. DOI: 10.21686/2073-1051-2020-4-26-41 (In Russ.)
12. Capello R., Caragliu A. Regional growth and disparities in a post-COVID Europe: A new normality scenario. *Journal of Regional Science*, May 2021, pp. 1–18. DOI: 10.1111/jors.12542.
13. Dijkstra L., Garcilazo E., McCann P. The effects of the global financial crisis on European regions and cities. *Journal of Economic Geography*, 2015, no. 15, pp. 935–949. DOI: 10.1093/jeg/lbv032.
14. *Economic Crisis: Resilience of Regions. Scientific Report*. ESPON & Cardiff University, 2014. 280 p.
15. Klier T., Rubenstein J. What role did regional policy play in addressing the US auto industry crisis? *International Journal of Automotive Technology and Management*, 2011, vol. 11, no. 2, pp. 189–204. DOI: 10.1504/IJATM.2011.039544.
16. Kolko J., Neumark D. Does local business ownership insulate cities from economic shocks? *Journal of Urban Economics*, 2010, vol. 67, no. 1, pp. 103–115. DOI: 10.1016/j.jue.2009.08.006.
17. *Territorial Impact Assessment: the State of the Cities and Regions in the COVID-19 Crisis*. European Union, 2020. 71 p.
18. *The Urban and Regional Dimension of the Crisis. Eighth Progress Report on Economic, Social and Territorial Cohesion*. European Union, 2013. 48 p. DOI: 10.2776/74866.
19. *OECD Regions and Cities at a Glance 2020*. Paris: OECD Publishing, 2020. 166 p.

Received 26.07.2021

Received in revised form 08.08.2021

Accepted 29.09.2021